

— Мы должны захватить остров Капитанов. Остров Пиратов — вот как отныне будет зваться этот остров! Плывите к нам, корабли, плывите доверчиво, простоушно! В глубоком мраке мы будем подстерегать вас, грабить и пускать ко дну один за другим. Для начала мы потопим «Мечту», а вместе с ней фонарик, который дал человек в Большом городе на настоящей реке. Я прикажу Корабельной Крысе прогрызть дыру в днище «Мечты»!

РАССКАЗЫВАЕТ...

**ХУДОЖНИК
ВАДИМ ЧЕЛАК**

Эта книга — о мальчишеской мечте. Вот интересно то, что она не умирает! Мечта может быть на время отодвинута, но потом вдруг явится неожиданно и обретёт форму, заиграет новой жизнью. Перейдёт в техническое или художественное творчество, подтолкнёт к деятельности. Волшебник Алёша прекрасно понимает героя сказки, поскольку и сам был и остаётся таким же мечтателем.

И никуда без пиратов и злодеев; без них — ну какое же это приключение? И конечно, само море как главный герой. То оно ласковое и тихое, то грозит штормом и гибелью. И острова, как драгоценные камни, украшают этот мир, созданный автором с вниманием и любовью к мальчишеским мечтам.

Волшебное море в волшебной стране — квинтэссенция чудес. Мне очень понравилась идея автора о том, что уплывшие в неизвестность детские кораблики не пропадают, а держат курс на остров мечты, в удивительный мир, недоступный обыденности. Даже будучи взрослым, хочется верить в это сказочное морское волшебство, в то, что в мечте есть нечто неуничтожимое, а трудности, какими бы страшными они ни казались, преодолимы.

Глава первая
Кораблик из соснового полешка
И главное: удивительное знакомство

Весна всё никак не приходила и не приходила, и Валька уже устал её ждать.

И, глядя на неторопливый крупный снег, пухлыми хлопьями тихо падающий за окном, Валька принялся из сухого соснового полешка мастерить кораблик.

Он целыми вечерами терпеливо стругал его коротким перочинным ножиком. К стройным мачтам прикрепил надёжные паруса. Ванты сделал из крепкого шпагата. Тонкий, а не порвёшь.

А когда всё кончил, голубой краской написал на его борту: «Мечта». Так он решил назвать свой кораблик.

Кораблик получился очень хороший, просто лучше и быть не может. Совсем как настоящий. Особенно вечером, пока мама не зажжёт лампу.

Сумерки зыбкими волнами вливались в комнату, наполняли её. Таяли, исчезали стены. И тогда казалось, «Мечта» снимается с якоря и плывёт по этим тёмным, гибким волнам, а её паруса надувает ветер далёких странствий.

Паруса «Мечты» ещё слабо мерцали, но темнота постепенно гасила их, как будто кораблик уплывал куда-то далеко-далеко...

«„Мечта“ — отличный корабль, надёжен, сделан как надо, — в эти минуты думал Валька. — Такому кораблю не страшны ни шторм, ни девятый вал. И капитан на «Мечте» — настоящий моряк. Знаю я его. Ещё бы мне не знать! Он похож на... Неважно

на кого. Главное, он смелый, ужас до чего смелый. И зря болтать не любит, это вам не Петька из первого «А». Он такой загорелый, как... Ну как один человек, когда он вернулся из Крыма. Капитан, конечно, устал. От бессонницы щиплет глаза, но он уверенно прокладывает путь по старой морской карте...»

Валька никому не признался бы, но в глубине души он думал, да что там — он был просто уверен, что смелый и отважный капитан — это как раз и есть он, Валька. Валентин Валентинович. Тин Тиныч, как любила звать его мама.

«Разгулялся океан к ночи... — изо всех сил зажмурившись, думал Валька. — Это вам не просто неважная погодка — шторм десять баллов! Здесь подводные рифы, ну да не в первый раз нам огибать этот мыс...»

Корабль как будто проваливается в пучину. Надо шире, устойчивей расставить ноги. Громадная волна грузно нависла над «Мечтой», светясь изнутри чем-то зловещим, зеленоватым... Взвихрённая водяная пыль уже упала на лицо...

— Тин Тиныч! Ужинать и спать, спать!.. — слышался из кухни тёплый, такой домашний мамин голос.

— Ф-фу!.. — Валька с трудом переводил дух. Сердце стучало, звоном отдаваясь в ушах.

Конечно, ничего не поделаешь, пока что надо набраться терпения и ждать... Но ведь наступит это время когда-нибудь! Валька вырастет и непременно станет капитаном. Это решено!

А как только растают снега, он вместе с Алёнкой из первого «Б» отправится пускать «Мечту» в весёлых ледяных ручьях, бренчащих и тренькающих на перекатах.

Правда, у Алёнки недавно выпали два передних зуба. Но даже и без двух передних зубов Алёнка всё равно была лучше всех девчонок в классе. А если уж сказать всю правду до конца, Валька считал, что и во дворе, да и на всём белом свете нет никого лучше Алёнки, потому что... Ну просто так. Нет, и всё.

А потом можно будет и вовсе подарить Алёнке чудесный кораблик. И при этом сказать так, небрежно:

— Хочешь, забирай его себе, насовсем. Он мне и не нужен,

ну вот нисколючко... Захочу, ещё лучше сделаю...

Наконец весна всё-таки наступила. Сугробы расползлись, осели. Всё вокруг потекло, заблестало и зазвенело. Торопливые ручьи покатались вниз по крутой улочке к реке.

— Пора, — решил Валька.

Денёк выдался солнечный, но ещё холодный. Светить-то солнце светило, но, видно, греть оно за зиму всё же разучилось.

Варежки Валька сразу промочил и сунул их в карман. Противная сырость от мокрых варежек скоро пробралась через пальто и штаны до самого тела.

Валька пустил «Мечту» в быстрый и прозрачный ручей. Талые воды подхватили кораблик вместе с колючими льдинками, понесли. Ветер сразу же туго, до отказа надул паруса.

Кораблик плыл быстро, только чуть покачивался и нырял в волну на перекатах, лихо огибая дочиста отмытые водой яркие камешки и куски кирпича. Вот он ловко миновал водоворот, где толкались и крутились какие-то бестолковые щепки и размокший спичечный коробок.

Вдруг Вальке показалось, что за голыми пока ещё кустами, только с мелкими кулачками почек, промелькнула Алёнкина голубая вязаная шапочка.

— Алёнка, давай сюда! — крикнул Валька.

Но оказалось, что это вовсе не Алёнкина шапочка, а чья-то голубая рубашка, которая висела на верёвке. И эта рубашка, вместо того чтобы сушиться на солнышке, рвалась вверх, словно протягивала куда-то голубые руки и хотела улететь.

Когда Валька оглянулся на кораблик, тот был уже далеко. Белые паруса, проваливаясь и появляясь вновь, мелькали где-то внизу, в конце улицы.

Валька бросился вдогонку за корабликом. Ноги

разъезжались по раскисшей земле, где в тени в складках, ямках ещё лежали серые корочки тающего снега.

В конце улицы ручей разлился целым морем. Посреди этого моря торчала из воды полузатопленная садовая скамья. Рядом — полная воды каменная ваза. На каменном ободке сидели два толстых голубя. Их гладкие шеи отливали серебром. Часто оглядываясь, голуби жадно пили воду, как будто боялись, что им не хватит.

Валька понадеялся, что его кораблик зацепится за что-нибудь. Но не тут-то было. Кораблик плавно обогнул каменную вазу и скамейку.

Он уплывал всё дальше и дальше. Будто радовался внезапной свободе. Будто торопился куда-то.

Потом ручей снова сузился, забурлил, побелел и пенным водопадом опрокинулся вниз, к реке.

В последний раз мелькнули белые паруса, и кораблик пропал из виду.

Всё.

Слёзы ослепили Вальку. От бессильного отчаяния сжались кулаки. Валька не выдержал и, вдохнув круглый тугой глоток воздуха, громко заревел.

— Ну что вы, что вы, Валентин Валентинович, — слышался негромкий укоризненный голос. — Ну как такое можно? Полноте... Ну прошу вас...

Кто-то ласково притянул к себе Вальку и накрыл с головой полой широкого плаща.

